

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'23:81'42
ББК Ш105.51+Ш100.6

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Р. Бабикова, М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

«АЛЛОГЕННЫЕ» ЖАНРЫ В СОВРЕМЕННОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В современный экстремистский (уже — националистический) дискурс активно интегрируются жанры разных различных дискурсов (от «личного», бытового до научного), но все их объединяет два важнейших компонента: пропагандистский потенциал, то есть направленность на убеждение, внушение и призыв, к сожалению, призыв к борьбе. В рамках данной работы представлен обзор таких неспецифических, чужеродных, условно обозначенных нами как «аллогенные» (порожденный извне) для экстремистского дискурса жанров, как националистические кричалки, беседа и научно-популярная лекция, которые рассматриваются как пропагандистские, манипулятивные тексты.

Основным лингвистическим инструментом возбуждения вражды в экстремистском тексте, в том числе тексте «аллогенном», является образ врага, посредством которого авторы и формируют негативную установку. Таким образом, нами еще раз было доказано, что настойчиво формируемый образ врага становится мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом современного экстремистского дискурса: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности, его часто используют лидеры групп для сохранения внутригруппового единства, особенно он актуален в молодежной среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жанр; экстремистский дискурс; кричалка; научно-популярная лекция; беседа; призыв; манипуляция; образ врага.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бабикова Марина Рашитовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, оф. 221; e-mail: shinkari@mail.ru.

В течение двух лет (2013—2015) в Уральском государственном педагогическом университете был реализован научный проект «Методика комплексного анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

Современная юридическая лингвистика и практика психолого-лингвистических экспертиз экстремистских текстов испытывает острую потребность в научно обоснованных критериях выявления экстремистских текстов, т. е. текстов, направленных «на формирование чувств ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признакам происхождения, отношения к религии с использованием средств массовой информации» [Рекомендации об использовании...]. Для решения этой проблемы необходимо комплексное исследование структуры экстремистского текста.

Используемые нами термины (экстремистский, националистический) отчасти условны, не имеют под собой основательной юридической базы, хотя часть исследуемых текстов официально признана таковыми и внесена в соответствующий список Минюста либо создана в объеди-

нениях, деятельность которых также официально признана экстремистской. При отборе материала мы опирались на целый ряд дискурсивных факторов, которые и позволили нам объединить все исследуемые тексты в единый дискурс, нами обозначенный как экстремистский.

На первом этапе работы (2014 г.) было проведено комплексное и детальное исследование когнитивной основы экстремистского текста. В частности, был описан полный метафорический арсенал современного экстремистского текста на материале молодежного националистического дискурса 2007—2014 гг., описаны основные функции когнитивной метафоры: моделирующая, инструментальная и инвективная [см. подр.: Ворошилова 2014б].

Детально проанализирована милитарная метафора (*война, враг* и др.) как самая частотная и продуктивная в анализируемых текстах [см. подр.: Ворошилова 2014а, 2014в].

Исследование образа врага продолжено в комплексном психолого-лингвистическом анализе: изучены особенности динамики образа «враг» у субъектов с различным уровнем деструктивной установки под влиянием просмотра креолизованного экстремистского текста [см. подр.: Злоказов 2014].

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б., 2015

На «живом», актуальном материале исследуется развитие представления России в виде врага, широко репрезентируемого в украинских средствах массовой коммуникации. Детально описаны лингвокультурные типажы «бандеровец», «фашист», «националист» в российских и украинских СМИ как инструмент манипуляции [см. подр.: Тагильцева 2014].

Таким образом, нами еще раз было доказано, что настойчиво формируемый образ врага становится мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом современного экстремистского дискурса: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности, его часто используют лидеры групп для сохранения внутрисовещного единства, особенно он актуален в молодежной среде.

На втором году работы над научно-исследовательским проектом был произведен дискурсивный анализ экстремистских текстов. В центре внимания исследователей оказались неспецифические, чужеродные, условно обозначенные нами как «аллогенные» (порожденный извне) для данного дискурса жанры, а именно: националистические кричалки, беседа и научно-популярная лекция, служащие пропагандистскими, манипулятивными текстами.

Все чаще в экстремистском дискурсе, по своей сути пропагандистском, используются жанры, заимствованные из иных сфер нашей жизни: кричалки — из спортивного дискурса, лекция — из научного, беседа — из бытовой/«личной» сферы. И у каждого жанра — своя специфика и цель использования в анализируемом нами дискурсе экстремизма.

В последнее время особенно популярен в молодежном националистическом дискурсе (шире экстремистском) жанр кричалки. Нами были рассмотрены 54 кричалки, используемые на «Русских маршах» в Екатеринбурге и Москве в 2013 и 2014 гг. и зафиксированные на видеоносителях, а также кричалки, обсуждаемые на форумах при подготовке к этим мероприятиям.

В центре нашего научного исследования на данном этапе оказались основные жанровые признаки националистической кричалки. Отметим условность нашего определения: прилагательное «националистическая» напрямую не указывает ни на идеологическую основу, ни на юридический статус, а лишь подтверждает отнесенность к конкретному дискурсу, а именно молодежному националистическому.

Итак, на первом этапе исследования мы постарались определить место националистической кричалки в системе жанров современного политического дискурса, где данный жанр является малым по объему информации и агональным по функции, т. е. содержащим призывы к борьбе.

Далее нами были определены основные функции националистической кричалки: объединяющая; деморализующая; агональная.

С одной стороны, кричалки, исполняемые коллективно, совместно, являются сильным сплачивающим фактором. Так, Д. В. Громов отмечает: «Экстатическое состояние, которое возникает при совместном исполнении речёвок, за-

крепляет чувство единения и усиливает самоидентификацию молодых людей как членов группы. Особенно остро единение с группой переживается перед лицом опасности, а речёвочные практики часто предполагают именно экстремальность ситуации, наличие опасности, присутствие внешней угрозы. Хорошо организованный и вооруженный большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно, оперативно подбирая речёвки согласно ситуации» [Громов 2008].

С другой стороны, кричалки используются как деморализующее средство, призванное напугать врага. Организаторы «Русского марша» зачастую добиваются «очного присутствия врага» на мероприятии. Так, в Екатеринбурге «Русский марш» в 2014 г. проводили на Уралмаше, а местом сбора был Уралмашевский рынок, основное место работы мигрантов. По официальной же версии Уралмаш был выбран как район, отдаленный от центра.

На следующем этапе были проанализированы структурные компоненты жанра националистической кричалки в аспекте как содержательно-формальной организации текста, так и коммуникативно-прагматической.

Анализ предметно-смыслового содержания позволил нам установить связь с националистическим дискурсом. Смысловым ядром националистических кричалок является тема противостояния/войны. В ходе анализа предметно-смыслового содержания националистических кричалок нами были выделены основные тематические доминанты, таковых оказалось семь [См. подр.: Ворошилова 2013б, 2015]:

1. Русский — хозяин.
2. Национальное единство / единство русских — сила.
3. Историческая память / национальная память.
4. Здоровый образ жизни.
5. Геноцид русских.
6. Русские победители.
7. Бездействие властей.

Подчеркнем, что в жанре националистической кричалки, как в малом жанре, зачастую реализуется только одна тема, но всегда есть определенный общий сценарий, задающий порядок произнесения кричалок, который и обуславливает некое развитие темы. Анализируя видеозаписи «Русского марша», мы определили три вектора развития темы:

1. Создание образа русской земли, которой грозит опасность / которая поработана, захвачена → создание образа врага → призыв к борьбе.
2. Создание образа врага → создание образа русского воина, защитника → вера в победу / призыв к борьбе.
3. Создание образа русской земли → обращение к исторической памяти → призыв к борьбе.

Полученные результаты еще раз подтверждают агональность жанра кричалки, основная функция которого — призыв к борьбе

Образ врага в кричалках зачастую представлен как собирательный: образ бездействующей власти; образ чужих. Создавая образ врага, авторы используют не только милитарные метафоры,

с ярко выраженным агрессивно-прагматическим потенциалом, но и иные тактики дискредитации, например, связывая образ мигрантов с социальным злом, причиной социального неблагополучия.

Но, как отмечают современные исследователи, жанр кричалки, внедряясь в экстремистский дискурс, «обнаруживает глубинное, структурное родство с кричалкой фанатской (сюжетная ситуация состязания-противостояния/войны; система опорных образов свой — соперник/враг; активизация ритуальной, магической функции ослабления соперника/деморализации врага)» [Ложкова 2015].

В рамках экстремистского дискурса в последнее время наметилась тенденция к манипулированию через научно-популярные лекции, основной целью которых являются не информативная и воспитательная, как это принято в научном и академическом дискурсе, а манипулятивная, пропагандистская.

Уникальность научно-популярного стиля определяется специфическими лингвистическими и стилистическими средствами, употребление которых связано с необходимостью адекватно представить достоверную научную информацию в максимально доступной и увлекательной форме, а также с желанием автора убедить читателя в правильности своей точки зрения по затрагиваемой в статье проблеме [см. подр.: Муранова 2009]. Именно эта целевая установка жанра научно-популярной лекции на убеждение и сделала его привлекательным для экстремистского дискурса.

В качестве примера в настоящем исследовании была детально проанализирована лекция «Для чего нужны права человека?», опубликованная в 2012 г. издательством «Русская Правда» [Бабикина, Ворошилова 2015]. Особое внимание было уделено параграфемным и когнитивным способам манипуляции.

Анализируемый материал по форме представляет собой конспект, поэтому перед нами часто встречающиеся невербальные способы обработки и представления информации: шрифтовые выделения, подчеркивания и др.

Полужирное начертание является самым частотным средством выделения основных мыслей автора, логических выводов, которые замыкают целые абзацы, отдельных фраз и тезисов. Часто встречаются выделенные указанным способом лишь фрагменты текста, зачастую одно из придаточных предложений в структуре сложного.

Воздействующий потенциал некоторых фраз усиливается с помощью еще одного средства графического выделения — использования прописных букв, которыми автор выделяет концептуально значимые фразы лекции. Этим же способом автор выделяет ряд противопоставлений (которые также являются одним из основных приемов манипуляции реципиентом), основывающихся на быстрой смене противоположных по смыслу понятий, разнополюсных ценностей, что производит особо сильное впечатление на читателя.

В арсенале автора есть и другие приемы актуализации, способы привлечения и задержки внимания читателей, среди них такие как выделение фраз с помощью подчеркиваний и использования курсива.

В анализируемом тексте лекции «Для чего нужны права человека?» описанные нами параграфемные средства бесспорно являются сильнейшим невербальным орудием манипуляции, что подтверждается и в ходе когнитивного анализа текста.

На когнитивном уровне автор умело оперирует такими концептами, как «свобода», «рабство», «право», «власть», «государство» и другими, усиливая тем самым воздействующий потенциал семантики текста лекции. Составитель логично выстраивает фабулу, в которой права человека являются высшей ценностью, а все остальные компоненты (свобода человека, самодостаточность, воля) — неотъемлемые части, ради которых автор призывает к борьбе.

В борьбе за свободу человека автор создает образ врага — власти, что безусловно объединяет создателя текста с читателями, создает ситуацию сотрудничества и взаимодействия в борьбе за свободу, а достижения такого характера соответствуют целям пропагандиста. Таким образом, основная цель автора лекции — призыв слушателей к борьбе, формирование негативного стереотипа в отношении власти, а не представление новой информации по поставленной проблеме.

В экстремистском дискурсе, основной целью которого является воздействие, манипуляция и вербовка, все более востребованы разговорные, «личные» жанры. В качестве иллюстрации мы взяли жанр беседы и проанализировали текст, условно обозначенный нами как «Диалог с ветераном» (неоднократно исследуемый в рамках дел о преступлениях экстремистской направленности) [см. подр.: Бабикина 2015]. На сей раз акцент был сделан на определении и характеристике возбуждающей информации.

Главной задачей эксперта в рамках дел о преступлениях экстремистской направленности становится выявление возбуждающей (согласно определению ст. 282 УК РФ) информации, «которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них» [ФЗ 114]. Итак, возбуждающая информация должна обладать двумя основными признаками:

- 1) содержать отрицательную эмоциональную оценку объекта повествования (в данном случае нации, расы, религии);
- 2) подстрекать к действиям, направленным против объекта повествования.

Основным лингвистическим инструментом возбуждения вражды в экстремистском тексте выступает образ врага, посредством которого авторы и формируют негативную установку. Именно наличие адекватного образа внешнего врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы.

В анализируемом нами тексте образ врага создается одним из основных языковых приемов формирования негативной установки — нагнетанием инвектив и употреблением прямых и косвенных призывов.

Центром инвективной группы являются этнонимы. Мы отметили также, что в анализируемом жанре используются как относительно нейтральные этнонимы (*евреи, кавказцы*), так и экспрессивные этнонимы (*жиды, черные*). Также автор текста активно использует такой прием вербальной агрессии, как употребление обценной лексики, т. е. непристойной, нецензурной лексики (в том числе мата).

Ярче в анализируемом диалоге представлен второй признак возбуждающей информации: подстрекательство к действиям, направленным против объекта повествования, в нашем случае — против жидов и черных. В тексте встречаются самые различные формы призывов к осуществлению радикальных действий: призыв скрытый, выраженный через угрозу, через устрашающий образ будущего, через обещание негативных последствий врагу, обозначенному ранее в тексте. Самым частотным в анализируемом диалоге оказывается именно призыв в косвенной форме (форма открытого побуждения без использования форм глагола с побудительным значением).

Итак, в современный экстремистский дискурс активно интегрируются жанры самых различных дискурсов (от личного до научного), но все их объединяют два важнейших компонента: пропагандистский потенциал, т. е. направленность на убеждение, внушение, и призыв — к сожалению, призыв к борьбе.

И вновь мы отметили, что во всех анализируемых жанрах в центре — образ врага, ставший ядром нашего исследования еще на первом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Бабикова М. Р. «Возбуждающая информация» как элемент экстремистского текста: из практики исследований // Язык. Право. Общество : сб. ст. 3-й Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13—15 мая 2015 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 94—97.
3. Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б. Для чего нужны права человека? Вербальные и невербальные способы манипуляции // Политический дискурс в парадигме научных исследований : 2 Междунар. науч.-практ. конф. (26—27 марта 2015) / под ред. Д. В. Шапочкина. — Тюмень : Вектор Бук, 2015. С. 174—180.
4. Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Как слово наше отзовется? // Российская юстиция. 1998. № 4—7.
5. Веснина Л. Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 27—34.
6. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014в. № 3. С. 242—245.
7. Ворошилова М. Б. Националистическая кричалка: к определению жанра (предметно-смысловое содержание) // Язык. Право. Общество : сб. ст. 3-й Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13—15 мая 2015 г.) / под ред. О. В. Барабаш,

Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 102—103.

8. Ворошилова М. Б. Прагматический потенциал метафорического арсенала современного российского молодежного экстремистского дискурса // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Цюрихский ун-т. — Екатеринбург, 2014б. С. 39—46.

9. Ворошилова М. Б. Проснись, Россия: метафорический потенциал современного российского молодежного экстремистского дискурса // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. соред. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы ; Кемерово ; Витебск ; Бишкек, 2014а. С. 473—481.

10. Ворошилова М. Б. Чемодан — ишак — кишлак: опыт анализа экстремистской кричалки // Лингвокультурология. 2013б. № 7. С. 17—24.

11. Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Карапетян А. А. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Политическая лингвистика. 2013. № 1. С. 181—190.

12. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013а.

13. Ворошилова М. Б., Карапетян А. А. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2014.

14. Громов Д. В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1.

15. Злоказов К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки // Политическая лингвистика. 2014. № 47.

16. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : ЭКСИМО-Пресс, 2001.

17. Ложкова Т. А. Фанатская кричалка и политический дискурс: к вопросу о специфике бытования современного молодежного фольклора // Политическая лингвистика. 2015. № 53.

18. Муранова О. С. Способы выражения позиции автора в тексте научно-популярной статьи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 238—244.

19. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999).

20. Тагильцева Ю. Р. Лингвокультурные типы «бандеровцев», «фашистов», «националистов» в российских и украинских средствах массовой коммуникации // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. соред. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы ; Кемерово ; Витебск ; Бишкек, 2014.

21. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138—139, 30.07.2002. URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (дата обращения: 15.11.2014).

22. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2001.

M. R. Babikova, M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

“ALLOGENIC” GENRES IN MODERN EXTREMISM DISCOURSE

ABSTRACT. *The genres of different discourses (from “personal”, domestic to scientific) are integrated into modern extremist (nationalistic) discourse, but two most important components are present in all of them: propaganda potential, that is the focus on persuasion; and infusion and appeal for regret, appeal for fight. The article presents the review of nonspecific, allogenic for extremist discourse genres, such as a nationalistic chant, conversation and popular-scientific lecture, which are viewed as propaganda and manipulative texts.*

The image of an enemy is the main linguistic tools for arousing hostility in the extremist texts, by means of which, the authors of the text form negative motivation. Thus we have proved that the image of an enemy is the most powerful tool of manipulation in propaganda myth of extremist discourse: the popular phenomenon of reunion in the face of threat is extremely effective for any social community, the group leaders use it very often to preserve intra-group unity, which is particularly wide-spread in the youth environment.

KEYWORDS: genre; extremism discourse; chant; popular-scientific lecture; conversation; appeal; manipulation; image of an enemy.

ABOUT THE AUTHOR: Babikova Marina Rashitovna, Post-graduated Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

ABOUT THE AUTHOR: Voroshilova Mariya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 136—137.
2. Babikova M. R. «Vozbuzhdayushchaya informatsiya» kak element ekstremistskogo teksta: iz praktiki issledovaniy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13—15 maya 2015 g.) / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo PGU, 2015. S. 94—97.
3. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Dlya chego nuzhny prava cheloveka? Verbal'nye i neverbal'nye sposoby manipulyatsii // Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy : 2 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (26—27 marta 2015) / pod red. D. V. Shapochkina. — Tyumen' : Vektor Buk, 2015. S. 174—180.
4. Bazylev V. N., Bel'chikov Yu. A., Leont'ev A. A., Sorokin Yu. A. Kak slovo nashe otzovetsya? // Rossiyskaya yustitsiya. 1998. № 4—7.
5. Vesnina L. E. Militar'naya metafora, predstavlyayushchaya obraz migranta v otechest-vennykh SMI // Lingvokul'turologiya. 2009. № 3. S. 27—34.
6. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremen-nogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014v. № 3. S. 242—245.
7. Voroshilova M. B. Natsionalisticheskaya krichalka: k opredeleniyu zhanra (pred-metno-smyslovoe sodержanie) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13—15 maya 2015 g.) / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo PGU, 2015. S. 102—103.
8. Voroshilova M. B. Pragmaticheskii potentsial metaforicheskogo arsenała sovremen-nogo rossiyskogo molodezhnogo ekstremistskogo diskursa // Implitsitnye i eks-plitsitnye strategii v vostochnoevropey-skom politicheskom diskurse : materialy rossiyskoy sektiis mezhdunar. konf. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / pod red. A. P. Chudinova, E. V. Budaeva ; FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», Tsyurikhskiy un-t. — Ekaterinburg, 2014b. S. 39—46.
9. Voroshilova M. B. Prosnis', Rossiya: metaforicheskii potentsial sovremen-nogo rossiyskogo molodezhnogo ekstremistskogo diskursa // Noveye paradigmy v kognitivnoy lingvistike / otv. soled. B. K. Momynova, M. V. Pimenova. — Almaty ; Kemerovo ; Vitebks ; Bishkek, 2014a. S. 473—481.
10. Voroshilova M. B. Chemodan — ishak — kishlak: opyt analiza ekstremistskoy krichalki // Lingvokul'turologiya. 2013b. № 7. S. 17—24.
11. Voroshilova M. B., Zlokazov K. V., Karapetyan A. A. Otryok pro skinkheda: opyt kompleksnoy
12. psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 1. S. 181—190.
13. Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013a.
14. Voroshilova M. B., Karapetyan A. A. Natsionalisticheskaya atributika i simbolika v sovremen-nom molodezhnom ekstremistskom diskurse: iz praktiki opredeleniya // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2014.
15. Gromov D. V. Ulichnyy teatr molodezhnoy politiki: oppozitsionnye dvizheniya // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 1.
16. Zlokazov K. V. Vospriyatie ekstremistskogo teksta sub"ektami s razlichnym urovnem destruktivnoy ustanovki // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 47.
17. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : EKSIMO-Press, 2001.
18. Lozhkova T. A. Fanatskaya krichalka i politicheskii diskurs: k voprosu o spetsifike bytovaniya sovremen-nogo molodezhnogo fol'klora // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 53.
19. Muranova O. S. Sposoby vyrazheniya pozitsii avtora v tekste nauchno-populyarnoy stat'i // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2009. № 89. S. 238—244.
20. Rekomendatsii ob ispol'zovanii spetsial'nykh poznaniy po delam i materialam o vozbuzhdenii natsional'noy, rasovoy ili religioznoy vrazhdy : (Utverzhdeny zames-titelem General'nogo prokurora RF M. B. Katyshevym. 26.06.1999).
21. Tagil'tseva Yu. R. Lingvokul'turnye tipazhi «banderovets», «fashist», «natsionalist» v rossiyskikh i ukrainskikh sredstvakh massovoy kommunikatsii // Noveye paradigmy v kognitivnoy lingvistike / otv. soled. B. K. Momynova, M. V. Pimenova. — Almaty ; Kemerovo ; Vitebks ; Bishkek, 2014.
22. Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. ot 29.04.2008) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti» // Rossiyskaya gazeta. 2002. № 138—139, 30.07.2002. URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (data obrashcheniya: 15.11.2014).
23. Tsena slova: iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii / pod red. M. V. Gorbanevskogo. — M., 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.